

С. Н. ХРУЩЕВ

Пенсионер союзного значения

<Фрагменты>

Глава 1 Преддверие

<...>

Отца чрезвычайно волновала проблема власти, ее преемственности, создание общественных и государственных гарантий, не допускающих сосредоточения власти в одних руках, и тем более злоупотреблений ею. Одной из ключевых проблем были выборы депутатов трудящихся. Вместо существовавшей системы выдвижения одного кандидата отец предлагал выдвигать нескольких, чтобы люди могли свободно выбрать лучшего — так появлялась реальная зависимость депутатов от избирателей.

В качестве доказательства несовершенства существовавшей избирательной системы он приводил пример с депутатом Верховного Совета СССР писательницей Вандой Львовной Василевской. Отец высоко ценил ее творчество и общественную деятельность. Она часто бывала у нас в доме. Теплые отношения сохранились еще с войны. В 1939 году Ванда Львовна, дочь крупного государственного деятеля буржуазной Польши, пришла в освобожденный Львов и навсегда связала свою судьбу с нашей страной. Во время войны она вместе с мужем, известным драматургом Александром Корнейчуком, часто бывала в войсках, встречалась с отцом в Сталинграде, на Курской дуге. Но как депутат она... ничего не делала. Причем настолько демонстративно, что украинские власти, опасаясь неприятностей, в очередной избирательной кампании каждый раз отводили ей новый избирательный округ, подальше от предыдущего. Там, где ее как депутата еще не знали...

— Разве так можно! — возмущался отец. — Какие это депутаты! Кого подсовывают, того и выбирай!

Однако изменить порочную систему ему было не суждено. Времени для этого не оставалось.

В рамках работы над новой Конституцией обсуждался и вопрос установления такого регламента работы Советов, при котором они реально могли бы контролировать жизнь в своих регионах. Ставилась задача придания им большего авторитета и передачи полноты власти. В одном из вариантов рассматривалась возможность перехода к непрерывной работе Советов, как это принято в парламентах западных стран.

Важнейшим компонентом проблемы власти была процедура преемственности. Отец мучился: как сделать передачу власти из одних рук в другие естественной, безболезненной. Созрела идея сократить время пребывания на руководящей работе до двух сроков. XXII съезд КПСС принял такое постановление в отношении партийных функционеров. Теперь оставалось распространить его на государственные органы и закрепить решение в новой Конституции. Но сразу же возникло множество проблем, и в первую очередь — куда уйдет функционер после двух сроков? Где и как он сможет приложить свои опыт и знания?

В этом деле отец напрямую следовал примеру США. После двух визитов в эту страну он стал внимательнее приглядываться к заокеанскому опыту, примериваться к нему.

Но если многие другие нововведения отца одобрялись или не одобрялись и все-таки принимались аппаратом, пусть и с недовольным ворчанием, то тут он задел за живое. В руководящем звене, от района и выше, началась паника. Сформировалась не просто группа недовольных, а серьезная оппозиция, жаждущая активных действий.

Подлили масла в огонь и акции, лишавшие аппаратчиков многих привилегий, дарованных Сталиным. Первым шагом в этом направлении сразу после XX съезда была отмена так называемых «пакетов» — не облагаемых налогом дополнительных регулярных выплат определенным категориям чиновников. Но испуг, вызванный «секретным докладом», привел бюрократию в оцепенение, видимо, поэтому «урезание» прошло сравнительно безболезненно. Слишком все были перепуганы, слишком свежи в памяти были ночные аресты, чтобы решиться на сопротивление.

Однако шок быстро прошел, и аппарат усвоил, что теперь никому не грозят ни расстрелы, ни аресты, ни ссылки. Бюрократия стала все увереннее ощущать себя решающей силой, хозяйкой положения. Последовавшие инициативы безнадежно буксовали. Предложения о ликвидации «закрытых распределителей» и сокращения числа персональных машин должна была выработать и осуществить специально назначенная комиссия ЦК. Возглавил ее Алексей Илларионович Кириченко, в то время Второй секретарь

ЦК. Комиссия заседала, обсуждала, рекомендовала, отвергала и уточняла, но... ничего не решала.

Отец нервничал, торопил. Его заверяли, что дело близится к завершению. Показывали какие-то бумаги. Он на время успокаивался, и все возвращалось в прежнее состояние.

Кириченко сменили еще несколько председателей, и наконец после октября 1964 года комиссия прекратила свое существование. Единственно, что удалось отцу, — немного сократить парк персональных машин, пересадить чиновников с «Чаяк» ручной сборки на более дешевые «Волги». Не всех. Министры, апеллируя к соображениям престижа, отстаивали свое право на «Чайки».

Громоздкими «ЗИЛами» теперь пользовались тоже не все члены Президиума ЦК, а только три высших лица в государстве: Первый секретарь ЦК, Председатель Правительства и Председатель Президиума Верховного Совета. Остальные ездили на «Чайках».

Подсократили в то время и охрану. Отца, кроме его личного адъютанта-прикрепленного, сопровождал второй «ЗИЛ» с тремя охранниками, остальные члены высшего руководства довольствовались одним прикрепленным.

По выходным дням, когда было тепло, отец садился на весла, а мы размещались в лодке. Отец любил эти гребные прогулки. От Усова, где мы жили на даче, до Ильинского, где расположилось опытное поле, недалеко — путешествие занимало минут сорок. За лодкой отца в отдалении следовала лодка с охраной, сидевший на корме дежурный начальник охраны зорко наблюдал за обстановкой. Держались охранники на почтительном расстоянии, отец их близко не подпускал, грубовато ставил на место:

— Что вы за спиной толчетесь, нюхаете? Держитесь подальше, дышите свежим воздухом.

Во время поездок на дачу по Рублевскому шоссе отец не раз замечал гуляющих по окружающему шоссе лесу, даже в самую неподходящую погоду, похожих друг на друга молодых людей. Поинтересовался у Председателя КГБ Серова: не его ли это люди? Тот не отпирался: «мои», и стал пространно говорить о необходимом минимуме безопасности, о возможных покушениях со стороны вражеских разведок. Отец его не дослушал, подобные разговоры ему обрыдли еще в сталинские времена, и перебил: «Если американцы захотят меня убить, то они это сделают, сколько бы людей вы ни натыкали вдоль дорог. Тут не убережешься. Но вряд ли они пойдут на такое. А так вы впустую расходуете народные средства». Серов не возражал, но и людей в штатском вдоль шоссе не убавилось. Правда, теперь они старались при приближении машины отца спешно укрыться в ближайших кустах.

Вторично объясняясь с Серовым отец посчитал излишним, приказал урезать соответствующую статью расходов КГБ и передать Председателю, что, видимо, в его ведомстве столько излишних средств, что он просто не знает на что их расходовать. После этого «любители» лесных прогулок исчезли.

Не терпел отец и всяких «мероприятий» по пути его следования. Его лимузин шел в общем потоке транспорта, позволяя себе разве что в нарушение правил выскочить при обгоне за осевую линию, да нетерпеливо покрывать сигналами, приближаясь к светофору. Заслышав знакомые требовательные звуки, регулировщики поспешно включали зеленый свет. Перекрытие улиц, организации шумных, мигающих разноцветными огнями, как новогодняя елка, кортежей, — такое никому не приходило и в голову. Конечно, не обходилось без заминок, особенно на перекрестках вблизи центра. Машин в городе становилось все больше. Для расшивки пробок отец предложил построить разноуровневые развязки и подземные переходы. Городские власти поначалу встретили очередную его «выдумку» без энтузиазма — сложно все и дорого. Но потом идея привилась.

Конечно, установление социальной справедливости за счет ликвидации привилегий носило скорее морально-этический характер, поскольку решение экономических проблем от этого не зависело. Удовлетворить потребности в товарах можно было только их производством в достаточном количестве и нужного качества, а не путем перераспределения благ.

Принятые решения безмерно озлобили тех, кому грозило лишение привилегий. И, что немаловажно, не только их самих, но и их жен.

«Проходя коридорами ЦК, я просто физически ощущаю, как его обитатели в спину расстреливают меня взглядами», — при последней встрече, несколько противореча самому себе, пожаловался отец Снегову. Все это, в свою очередь, сыграло не последнюю роль в падении Хрущева.

Не увенчались успехом и попытки отца сократить государственный аппарат. Чиновники, сокращенные в министерствах, переходили в совнархозы, комитеты и другие новообразования, появлявшиеся как из-под земли. Понятно, что и эти мероприятия тоже ни в коей мере не добавляли симпатий к отцу со стороны бюрократии. <...>

Груз проблем был тяжел, а сил к семидесяти годам оставалось все меньше. Домой отец приходил усталый, измотанный. Делал два круга по дорожке вокруг двухэтажного особняка на Ленинских горах, ужинал, вытаскивал из портфеля толстые разноцветные

папки с бумагами — вечернюю порцию работы. Ежедневно отцу на стол ложились многостраничные проекты постановлений правительства, записки по различным вопросам, донесения послов и разведки, обзоры зарубежной прессы плюс подавляющее большинство газет, от «Правды» до «Строительной» и «Учительской». Отец читал все, внимательно просматривал газеты, заинтересовавшие его статьи откладывал на вечер для детального изучения. Устраивался он тут же, в столовой, на уголке стола, или поднимался на второй этаж в свою спальню. И хотя в доме был кабинет, он им никогда не пользовался. Как правило, работа затягивалась до полуночи. Утром, к девяти, он всегда был на работе. От бесконечного чтения болели глаза. Когда стало совсем неважно, отец попросил помощников сортировать поступающую почту, отбирать для него наиболее важные материалы, а по остальным — составлять обзоры. Жизнь сразу облегчилась. Через пару недель отец решил проверить, что помощники сочли недостойным его внимания. Оказалось, что критерии отца и помощников различались, и различались значительно. «Неважные», по их мнению, материалы ему представлялись очень важными, «второстепенная» информация — решающей. Пришлось вернуться к старой практике. Только все чаще он просил кого-нибудь из помощников или нас, детей, почитать вслух.

В те годы Президиум ЦК принял решение, устанавливающее отцу сокращенный рабочий день и дополнительные две недели отпуска. Решение осталось на бумаге, работа занимала не только весь рабочий день, но и все свободное время. Дополнительным отпуском он пользовался — хорошо было уехать в Пицунду, в Крым или Беловежскую Пушу, хоть чуть-чуть оторваться от рутины. Там отец мог сосредоточиться, обдумать кардинальные проблемы. Свои выводы и предложения он тут же оформлял в виде записок в ЦК. Часто отец пользовался свободным временем на отдыхе для совещаний или просто для бесед с учеными и конструкторами. Помню многолюдные собрания, обсуждавшие в Пицунде пути развития авиации, ракетостроения, химии.

Отец твердо отдавал себе отчет в том, что силы его на исходе, да и приближающийся семидесятилетний юбилей знаменовал определенный рубеж. Все чаще и настойчивее обращался он к мыслям о преемнике. Все чаще думал об отставке. О желании уйти не раз говорил в кругу семьи, иногда в шутку, иногда всерьез. Возвращался он к этому вопросу и в разговорах со своими коллегами по Президиуму ЦК.

«Мы, старики, свое отработали. Пора уступать дорогу. Надо дать возможность молодежи поработать», — вот, насколько я пом-

ню, типичное его высказывание на эту тему. При этом он широко улыбался, а окружающие похохатывали, сводя его слова к шутке.

В 1964 году он впервые заговорил об отставке публично, на одной из встреч с молодежью. Его речь была опубликована во всех газетах. Скрывались ли за этими словами серьезные намерения? Думаю, отец действительно собирался уходить. Не раз он упоминал о приближающемся XXIII съезде партии как о своем последнем рубеже¹.

Если дома его слова не встречали возражений, то товарищи по работе бурно протестовали.

— Что вы, Никита Сергеевич! Вы отлично выглядите! У вас и сил больше, чем у молодого! — слышалось в ответ на его мысли вслух.

Мне трудно сказать, мог ли он принять такое решение в действительности. Ведь у него рождались все новые замыслы, планы. Хотелось претворить их в жизнь, а уж потом уйти.

Но какими бы серьезными ни были мысли об отставке, о своем преемнике отец думал неотступно. Один кандидат заменялся другим, потом третьим. А окончательного решения все не виделось, хотелось найти достойного человека и обязательно помоложе, поэнергичнее.

В конце концов он остановился на Фроле Романовиче Козлове. Ему все больше доверялся отец, хотя и не обходилось без конфликтов, острых перепалок.

Однако случилось несчастье. Весной 1963 года Козлов тяжело заболел — инсульт. <...>

В связи с болезнью Козлова перед отцом еще острее встала проблема теперь уже не только будущего преемника, но и сегодняшней кандидатуры на пост Второго секретаря ЦК.

А решение все не находилось. Посоветоваться было не с кем. И вот эта внутренняя потребность выговориться, видимо, и послужила причиной того, что мне довелось проникнуть в святая святых политической кухни, стать свидетелем раздумий отца.

Отец был энергичным, увлекающимся человеком и, как и все люди такого типа, с наслаждением обсуждал с кем угодно нюансы полюбившейся ему идеи. Дома на нас обрушивались различные технологии изготовления панелей для жилых домов, мы знали много о преимуществах и недостатках сборного и монолитного железобетона, представляли, во сколько раз выгоднее плавить сталь в конверторе по сравнению с мартеном, разбирались в особенностях выращивания не только кукурузы, но и чумизы, пшеницы, овощей, винограда, фруктов, восхищались возможностями замены металла пластмассой, следили за успехами судов на подводных крыльях, знали и о многом другом.

Со мной, поскольку я был причастен к оборонным делам, отец обсуждал еще и технические вопросы, связанные с авиацией, ракетами, танками. Но никогда в разговорах при нас он не касался кадровых вопросов. Взаимоотношения в руководстве были абсолютно запретной темой. Даже в июне 1957 года, когда противоречия между отцом и сталинистами вылились в бурные заседания Президиума, а затем Пленума ЦК, мы могли только по косвенным признакам догадываться, что же происходит. Сведения приходили со стороны. О том, чтобы задать вопрос отцу, не могло быть и речи. Ответ был известен, форма тоже:

— Не лезь не в свое дело. Не мешай.

Поэтому я был просто ошарашен, когда в ответ на мой вопрос о Козлове отец вдруг заговорил о мучивших его сомнениях.

Дело происходило на даче глубокой осенью 1963 года. Вечером вышли пройтись. Мы гуляли в свете фонарей по парадной асфальтированной дороге, ведущей от ворот к дому, как вдруг отец заговорил о ситуации в Президиуме. Насколько я помню, он пожалел, что Козлов не может вернуться на работу. По его словам, он очень рассчитывал на Фрола Романовича: тот был на месте, самостоятельно решал вопросы, хорошо знал хозяйство. Замены отец не видел, а самому ему уже пора думать об уходе на пенсию. Силы не те, и дорогу надо дать молодым. «Дотяну до XXIII съезда и подам в отставку», — сказал он тогда. Потом он стал говорить, что постарел, да и остальные члены Президиума — деды пенсионного возраста. Молодых почти нет. Отец стал членом Политбюро в сорок пять лет. Подходящий возраст для больших дел — есть силы, есть время впереди. А в шестьдесят уже не думаешь о будущем. Самое время внуков нянчить.

Он ломал голову над кандидатурой на место Козлова. Ведь надо знать и народное хозяйство, и оборону, и идеологию, а главное — в людях разбираться. Хотелось бы найти человека помоложе. Раньше отец очень рассчитывал на Шелепина. Он казался самым подходящим кандидатом: молодой, прошел школу комсомола, поработал в ЦК. Правда, плохо ориентируется в хозяйственных делах. Все время на бюрократических должностях. Отец рассчитывал, что он подучится, наберется опыта живой работы. Для этого предлагал ему пойти секретарем обкома в Ленинград. Крупнейшая организация, современная промышленность, огромные революционные традиции. После такой школы можно занимать любой пост в ЦК.

Шелепин же неожиданно отказался. Обиделся: посчитал за понижение смену бюрократического кресла секретаря ЦК на пост секретаря Ленинградского обкома партии.

— Жаль, видно, переоценил я его, — посетовал отец. — Может, оно и к лучшему, ошибаться тут нельзя. А посидел бы несколько лет в Ленинграде, набил бы руку, и можно было бы его рекомендовать на место Козлова. А сейчас он так и остался бюрократом. Жизни не знает. Нет, Шелепин не подходит, хотя и жалко. Он самый молодой в Президиуме.

Отец, помню, тогда замолчал, задумался, а потом продолжал рассуждать о возможных преемниках Козлова. В частности, о Подгорном. Николай Викторович Подгорный — человек толковый, и в хозяйственных делах разбирается, и с людьми работать может. На Украине проявил себя. Опыт у него богатый, но кругозора не хватает. После перехода в ЦК никак не справляется с порученными вопросами в области пищевой промышленности. Словом, по мнению отца, на этот пост и он не годился.

И тут он заговорил о Брежневе, сказав, что у него огромный опыт, хозяйство и людей знает. Но, как считал отец, он не может держать свою линию, поддается чересчур и чужим влияниям, и своим настроениям. Человеку с сильной волей ничего не стоит подчинить его себе. До войны, когда его назначили секретарем обкома в Днепропетровск, местные острословы окрестили его «балериной» — мол, кто как хочет, тот так им и вертит. А на этом месте нужен крепкий человек, которого с пути не свернешь. Таков был Козлов. Нет, и Брежнев, выходило, не годится.

Отец замолчал. Больше этот разговор не возобновлялся. Мы долго еще бродили по дорожке к дому и обратно, думая каждый о своем. Отец, видимо, снова и снова перебирал в уме возможных кандидатов на пост Второго секретаря ЦК.

Я же был подавлен этой неожиданной откровенностью. Насколько тяжело и одиноко отцу, подумалось мне, если ему приходится откровенничать на эти темы со мной. Раньше такого не случалось. Даже представить подобное было невозможно.

Это был единственный разговор на запретную тему кадров. К ней отец больше никогда не возвращался. Об этих откровениях я, естественно, никому не рассказал. Хотя отец меня не предупреждал, но я и не нуждался в подобных предупреждениях. <...>

<...> К семидесятилетию подготовили красочные альбомы с фотографиями Хрущева: до войны, на войне, после войны. Часть из них успела выйти, часть так и не увидела свет. В каждом выступлении к месту и ни к месту упоминался отец. Тон этой кампании задавали Брежнев, Подгорный, Шелепин, а уж им всюю подтягивали остальные.

Отец между тем совершал ошибки одну за другой, слишком вяло сопротивляясь развязанной кампании восхваления. Он

не нашел в себе сил стукнуть кулаком по столу и потребовать ее прекращения. Человек слаб...

Конечно, все это началось не вдруг. Еще в 1961 году на экраны выпустили фильм по сценарию писателя Василия Захарченко «Наш Никита Сергеевич»². Сделан он был в лучших традициях недавнего прошлого: с неумеренными славословиями и назойливыми восторгами. Фильм показали отцу. Он просмотрел его молча, не похвалил, но и не запретил.

А вот другой аналогичный случай. В самом конце июля 1962 года, по дороге в отпуск, отец решил по старой памяти проехать по областям. Он хотел посмотреть поля перед уборкой, посетить промышленные предприятия. Это вошло в привычку. 27 июля отец провел в Тульской и Орловской областях. На следующий день он на Курщине, посещает разрез Курской магнитной аномалии, где недавно начали добывать железную руду, заезжает в Калиновку, село, где он родился и провел первые десять лет жизни. На 29 июля наметили осмотр недавно сооруженной Кременчугской ГЭС. Рядом вырос целый город с неблагозвучным названием КремГЭС.

Ехали на машинах. Впереди Хрущев с Подгорным и руководителями республики, а за ними целый «хвост». Я был далеко сзади. День, помню, выдался солнечный, жаркий. Подъехали к городу, утонувшему в зелени. Вдруг я поразился: на придорожном указателе надпись по-украински: «Місто Хрущов».

Несколько лет назад по инициативе отца приняли решение не присваивать городам имен живых политических деятелей. Многие сопротивлялись, особенно почему-то Ворошилов, но постановление было принято.

Мы не раз слышали, как отец с возмущением вспоминал предвоенные годы, когда появилась мания «коллекционирования» городов и сел, названных по собственной фамилии. Целое соревнование — и Молотов, и Молотовск, и Ворошиловград, и Кировбад — чего только тогда не выдумывали.

Машины остановились у здания горкома. Я пробился поближе, по реакции окружающих вижу — отец промолчал. Напрягшиеся было лица местного начальства расплылись в улыбки. Осмотрели город, съездили на плотину, поговорили в горкоме. Отец будто и не видел надписи. Наконец приехали на пристань, дальше предстояло плыть на пароходе до Днепропетровска. Отчалили. Все собрались в салоне, предстоял обед.

Отец начал с благодарности, ему очень приятно, что город назвали его именем, поблагодарил за честь. Все закивали, наперебой стали говорить о заслугах отца, как много он делает для страны, для народа, как все его любят.

Я окончательно перестал что-либо понимать. С момента въезда в город меня преследовало чувство неловкости. Я ожидал, что отец запротестует, и такое начало меня обескуражило.

Но это было только начало.

— Вы разве не читаете постановления ЦК или не считаете обязательным их выполнять?! — продолжал отец. — Я настоял на запрещении присваивать городам имена руководителей. А тут моя фамилия! В какое положение вы меня ставите?!

Последовал разнос. В газетах на следующий день давалась информация о посещении Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым города КремГЭС³.

К сожалению, так было не всегда. <...>

